

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборку из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замараева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

152114

№ 131 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Именины Сретенского собора

Сто двадцать пять лет храму нашему исполнилось.

Тогда, еще задолго до скорбных дней Октябского путча, в день праздника Сретения Господня, при многочисленном стечении народа храм сей был освящен, и поднят первый колокол.

И **наименован** храм Сретенским, храмом **встречи** людей с Богом и друг с другом. И название это оправдалось вполне. Сотни тысяч человек в этом храме приняли святое Крещение, неисчислимо множество именно здесь почувствовали присутствие Божие, для многих духовное возрождение связано именно со стенами нашего Сретенского собора.

Но давайте зададимся вопросом: а что, если бы нашего храма не было? Если бы тогдашний земледелец Алексей Гичко не раскошелился. Он был богат, и почти всё свое имущество превратил в храм. Удовольствие-то дорогое. Редко кто расстается с такими деньгами. Мог ведь Алексей и по-другому рассудить: хороший урожай на моих полях уже сколько лет подряд! Сломаю-ка я житницы свои и построю **большие**, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое, и скажу душе своей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись!

Ничего не осталось от имени Алексея и супруги его Марии - и даже могилы их не найти. А храм, который он построил - вот он - и память о нём, и слава его, и оправдание перед Богом.

Можно сказать, что после Гичко по-настоящему серьезных жертвователей на наш храм и не было. Геннадий - дай Бог ему здоровья и всяческих благ от Бога, сравнительно с недавних времён включился - в прошлом году капитально переустроил помещение нашей воскресной школы, а также начата и постепенно продвигается стройка «богадельни» - пункта накопления одежды для малоимущих и её раздачи, а так же места, где будет возможность переночевать.

Правда, есть ещё несколько человек, которые жертвуют на храм чувствительно. И потихонечку растёт к сожалению, о-о-очень медленно, но и так - слава Богу - сознательная часть общины, которая отчисляет десятину.

О Павле мы иногда вспоминаем с Вами - есть такой молодой человек, дай Бог ему здоровья, который одно время значительно помогал нашему храму. На тот момент он был весьма богатым человеком в Херсоне. Сегодня он живет в Харькове и, хотя причислить его к беднякам, наверное, нельзя, но временами приходится ему переживать безденежье почти полное.

Да, звездный час его завершился. Свои именины он справляет уже без цыган, без фокусников, без артистов цирка и драмтеатра, без грандиозных фейерверков - скромно у себя дома. Множество партнеров, приятелей и друзей от него отвернулись, как это обычно бывает, когда человек теряет богатство и власть. И единственное место, где ему сегодня по-настоящему рады, и где он чувствует покой и утешенье, и всегда будет это чувствовать - это стены нашего храма. Приезжает он сюда к нам - часто не получается, но возможности такой не пропускает.

О. Иоанн: «Я никогда не лез в душу Павла, но настроение у него слишком прозрачно. Да если б он хотя бы предполагал, что всё обернется именно таким образом, то пропорции растратченных средств были бы совсем иные. Но, слава Богу и за то, что есть - абсолютное большинство богачей оказываются неспособны и на то, что сделал этот наш благодетель, о котором многие из Вас возносят свои молитвы. Все-таки, ему будет, что сказать Всевышнему в день суда, - дескать, да, я человек грешный, за мной и те делишки сомнительные числятся, и эти. И в том я неправ, и там непригляден. И всё же, 60 тонн цемента под фундамент Свято-Сретенского храма закачали, и после этого приос-

тановилась его усадка, т.е., прекратилась угроза разрушения здания, и это же всё за мои деньги. И забор сделали, и интерьер храма местами улучшили. Глядишь, и простит Господь душу мою грешную».

Да, так вот, если бы не Алексей Гичко, такого храма у нас с Вами не было бы. Какой-то, может, и построили бы совсем маленький, наверное. Ведь до войны в нашем районе хата под камышом - это было круто. Жили в основном в землянках.

Второе обстоятельство, без которого не было бы сегодня праздника - это война - 42-й год. Немецкая оккупация. Люди гибнут на фронте, изнывают в тылу. К тому времени наш храм, вернее то, что от него осталось после налета коммунистических вандалов в 38-м, превращен в складское помещение. Но, как известно, «как тревога, так и до Бога». Во время войны очень многие пересмотрели свои отношения со Всевышним, да и сам Сталин к Церкви стал проявлять уважение. Посему, именно в военные годы открывается наш храм для служения Богу и людям. Мораль здесь слишком простая - как пел Высоцкий, «не лучше ли при жизни быть хорошим человеком?!». Не лучше ль Бога благодарить, когда тебе хорошо?

И третье обстоятельство, без которого мы не смогли бы находиться в нашем храме - это безумство храбрости наших прихожан начала 60-х годов. Мы уже говорили с Вами, что к 1962-му году все документы были подготовлены к повторному закрытию нашего молитвенного здания. Тогда была новая волна хрущевских гонений на Церковь, ну, Вы помните, как Никита Сергеевич публично обещал в ближайшие годы показать последнего священника. И вот, когда представители власти пришли опечатывать церковное здание, они увидели храм, окруженный прихожанами, которые грудью своей заградили подход уполномоченных к притвору. Братья и сестры стояли круглосуточно - одни сменяли других. Само по себе - это уже подвиг, но проблема в том, что сегодня в наше время очень трудно оценить этот поступок в полном достоинстве. Ну да, стоять дни и ночи вокруг храма - не сахар - так же, как и в нынешние дни люди стоят на «майдане». Но те, кто из нас постарше, прекрасно понимают, что при советском режиме - такой жест карался, в лучшем случае, 10-ю годами тюремного заключения. Противодействие властям. Это полное безумие, которое по всем правилам должно было привести к трагедии.

Но произошло настоящее чудо. Никто не может и, наверное, никогда не сможет объяснить - как это так случилось, что никого не арестовали и более того, власти отменили закрытие церкви.

Причем, главное чудо, даже не в этом. Что уж точно никак не объяснить, это сам факт, что народ в те посталесталинские времена **посмел** выйти и собою закрыть храм. Люди ведь того поколения были запуганы и раздавлены, лишнего слова боялись сказать. А этот жест - был почти верной смертью.

И это тоже моральный аргумент для каждого из нас, а так же серьезный вопрос себе самим: а являемся ли мы с Вами - современная община и прихожане Свято-Сретенского собора достойными преемниками тех наших дедов и прадедов, которые готовы были шагать по этапу, даже не ради высокого результата. Вряд ли они сами верили, что смогут что-то изменить, устоять против государственной машины. Просто они были готовы умереть вместе со своим храмом.

А мы с Вами - на что готовы?

Во что одеться?

Одному нашему молодому батюшке на день рождения подарили трусы. Цветные, стильного покроя, модные. На следующий день, разбирая подарки, отец (назовем его Ануфрий) примерил трусы и нашел их весьма полезным предметом. Дело в том, что как раз был разгар лета, жарыща невероятная, а тут легенькая тоненькая ткань, не стягивающая телеса и дарящая прохладу - ощущение Адама до грехопадения.

Оно всё хорошо было бы, но этот незадачливый батюшка счел, что в этих трусах можно ходить по городу - они действительно внешне чем-то напоминали шорты. Ну и, облачившись в обновку, он покинул церковный двор и зашагал по улице. Прохожие, естественно, стали тарашить на него глаза и с удивленными лицами провожали его взглядами.

В душу отца Ануфрия стала закрадываться какая-то необъяснимая тревога. Он стал анализировать ситуацию - все, вроде, нормально.

В раздумчивости наш батюшка заходит в троллейбус и вновь ощущает на себе пристальные взгляды уже пассажиров, которые буквально сверлят его глазами со всех сторон. Кто-то улыбнулся, кто-то хихикнул.

Отец Ануфрий поправил причёску, осмотрел себя, не расстегнуто ли у него чего... Да нет, всё, вроде, нормально. Вышел из троллейбуса, прошёлся по Ушакова, зашёл в магазин - один, другой - картина та же - все пялят на него глаза, а главное, моментально меняются в лицах - продавцы и покупатели мгновенно становятся либо насмешливыми, либо презрительными.

Отцу Ануфрию стало плохо. Он поплёлся вниз к Суворовской, весь потерянный, и уже свернув на эту улицу, поймал очередной выразительный взгляд одной женщины с сильно округлившимися глазами, которые были направлены на область его тела ниже пояса. И это обстоятельство натолкнуло его уже на мысль правильной. До него, наконец, дошло, вдруг он прозрел – это же трусы на мне, а не шорты. А я – в центре города, при стечении многочисленного народа.

Надо сказать, что просветление отца Ануфрия не облегчило его участь, скорее, наоборот. Ужас объял батюшку, он посмотрел на себя другими глазами, и холодный пот простудил на его челе. Обратный путь домой теперь нужно было проделывать уже при полном сознании того, что ты шествуешь в трусах по центру города, а на тебя глядят с недоумением и насмешкой сотни глаз горожан, которые тебя либо уже знают, либо узнают завтра, когда придут в храм. И денег на такси – нет.

Приблизительно такая вот картинка лет 5 назад имела место в нашем Богоспасаемом граде Херсоне, а вспоминаем мы ее в связи с обсуждаемой нами темой комфорта.

Это неплохой пример **ДИСКОМФОРТА** – вот именно в тот момент, когда отец Ануфрий понял, что он в общественном месте в одном нижнем белье. Причем, по всей видимости, это ощущение неудобства у отца Ануфрия было достаточно ярким. Наверное, многие из нас могут ему искренне посочувствовать.

Да, так вот, в связи с этим возникает вопрос: **почему** он испытывал это неприятное чувство дискомфорта? В трусах ему ведь было не жарко и удобно, они подходили ему по размеру и нигде не жали. С моральной точки зрения? – ну и что, если в трусах – ведь не с голой задницей?! Вопрос этот на самом деле очень важный, который побуждает нас попытаться заново рассудить о смысле одежды как таковой. Вот для чего нам нужна одежда? Прикрыть наготу, тем более когда надо показать нечего, защитить тело от холода и палящих лучей солнца – это все понятно. Но срамное место отца Ануфрия ведь было прикрыто! Так в чем же проблема?

На самом деле, одежда уже давно служит защитой для тела в самую последнюю очередь. В первую очередь, одежда несет информационную нагрузку – это своего рода иероглиф, которым я информирую окружающих о своем к ним отношении. Например, мы видим пожилую женщину в длинной серой юбке, нейтральной кофточке, в чепце, у нее скромная причёска. Что этим хочет она нам сказать? «Я – серьезная и строгих нравов». А вот бритоголовый мужчина с толстой золотой цепью на шее: «Я – крутой, – говорит он молча, – и всех вас лохов имею, как хочу». А вот бабка в платке, надвинутом на самые глаза, в темном длинном одеянии. Она гневно говорит окружающим: «Я верю в Бога и хожу в церковь, а вы – нехристи – будете гореть в аду!».

Одежда человека вместе с причёской, походкой, жестами, выражением лица – это своеобразная доска объявлений, на которой можно прочитать всё, что угодно.

Например: «Я сексуально озабочен!».

Или - «Очень хочу замуж!».

А часто такое: «Посмотри, какая у меня фигурка! Ты меня уже захотел?! Обломись!».

А бывает: «Ищу любовника!», «Возьми меня!».

Намного реже по одежде можно прочитать:

«Я – деловая женщина, и мне можно доверять важные поручения!».

А бывает: «Хозяин здесь я!».

Изредка встречается и такое надписание: «Я богатый человек и могу всех вас купить вместе с продуктами!».

Иногда по одежде можно понять, что он дурак, но считает себя умным.

А бывает и прямолинейные выражения типа: «Все вы сволочи!». «Я – неудачник!». «Попишу-порезу!».

И так далее, и тому подобное.

И тот факт, что отец Ануфрий предстал перед горожанами в трусах – означало абсолютно то же самое, что сказать: «Посмотрите на меня – я псих!».

Его трусы в данном случае были своеобразной надписью, символом. Как знать, быть может, лет через десяток половина населения будут по городу расхаживать в трусах, и это облачение не будет означать то, что оно обозначает ныне. Но сегодня оно говорит именно об этом. И говорит справедливо.

О. Иоанн. «Как-то был случай, я встретил старушку лет 70-ти с лишним в мини-юбке и обтягивающей декольтированной блузке. Зрелище, надо сказать, ужасное, но ей нравилось, как она одета, и это свидетельствовало лишь о том, что старушечья тронулась рассудком. Когда ей намекали, что одеться бы ей не мешало поостроже – возраст уже предполагает, она искренне обжаловалась – мол, а какой у меня возраст – я молодая, почти девочка. Это, кстати, болезнь в нынешние времена очень распространенная. Часто бывает – сидишь на дне рождения мадам, которой стукнуло 65, а ей все говорят, вроде, как в шутку, с 25-тилетием поздравляем Вас, дорогая Вера Михайловна! Но шутка-то насильственно обязательная. Попробуй, скажи, что с 65-

тилетием поздравляю, как тут же в тебя тарелка с салатом полетит. Это ведь, на самом деле, духовно-психическое заболевание – стесняться своего возраста и скрывать свои годы – массовая эпидемия такая сегодня».

Одежда действительно много чего может сказать: если старик в прикиде металлиста, в цепях, заклепках, а на голове у него эракез, сооруженный из последних волос, то это означает, что мозгов у него в голове уже нет вовсе. Впрочем, так же, как и если девочонка наденет старушечью плюшевую кофту со старомодной юбкой – это так же вызовет очень серьезные опасения за ее здоровье.

Другое дело, если форс-мажор, обстоятельства так сложились, что пришлось одеться, во что есть. Но при этом, если человек нормальный, то в неподходящей ему одежде он будет испытывать дискомфорт. Ну, вот представьте себе, если пожилого интеллигентного человека постиричь налысо, одеть на него кожанку с заклепками, толстую цепь повесить на шею и заставить так ходить по городу. Его Кондратий к вечеру хватит.

Говорят, что нынче молодежь стариков не уважает. А за что их уважать, стариков то?! Их жалеть надо. Нет, есть, конечно, какая-то часть представителей старшего поколения, перед которыми хочется искренне склонить голову. Но это же редкость! Как можно уважать старуху, которая всем своим поведением пытается изобразить девочку? Это ведь не просто смешно, это трагично. Дело ведь не столько в том, что бабуся ведет себя нелепо, а в том – что в ее душе полная пустота. Ей 75 стукнуло, а по развитию она – хорошо, если бы лет на 20.

На самом деле, когда-то давно, в свои 20 лет, она остановилась в своем душевном развитии. А, как нам хорошо известно – если человек не развивается, значит, он непременно деградирует. И получается – ум у этой старушонки – 7-ми – 8-ми летнего ребенка. Не будем говорить в процентном отношении, но сегодня **большинство** стариков приблизительно на этом уровне.

За что уважать старых дедов, с утра до вечера играющих в домино, а в перерывах, сидя на лавочке, провожающих взглядами длинноногих девиц и хвастающихся друг перед другом: вот если бы я был помоложе: я б ее отыграл и так, и сяк, и эдак?

Беда даже не в том, что старику ножки девичьи понравились, это как раз, нормально. Трагедия в том, что у него в душе, кроме женских попок, более ничего не обретается. Он застрял в своем развитии, как минимум, лет 50 назад, и поэтому является объектом сожаления, но ни в коем случае, не уважения.

Причем, вот эта внутренняя инвазивность, пустота – она дырой зияет в душах пожилых людей, она является источником боли, мучений – глобального дискомфорта.

Ведь как бы ни внушала великовозрастная женщина себе самой, что она девочка, и как бы ей в этом ни помогало окружение, все равно сомнения в истинности такого представления о себе самой ее покидать не будут никогда. Страх постареть, сожаление о том, что с каждым годом появляются на лице все новые и новые морщинки, увеличивается целлюлит, еще больше обвисает грудь – это ведь расстройство – плохое настроение, депрессия. Это состояние крайне дискомфортное.

Между тем, как всем нам полезно помнить, что в борьбе со старостью любой из нас обречен на поражение. Со старостью не надо бороться, ее надо принимать с благодарностью. В старости, если человек не пустышка, есть свои прелести...

Или мучения, если телу 80 лет, а уму – 5. Когда у стариков нет своей внутренней духовной жизни – а ведь у большинства ее таки нет. Помните, мы говорили с Вами о «духовной смерти», которая наступает гораздо раньше кончины физической. Святые отцы древней Церкви много говорили о том, что по свету бродит множество ходячих трупов. По виду не скажешь – упитанный молодой здоровый детина. Но духовно – мертвый. Все у него работает – желудок, печень, почки, детородный орган. Но его ничего не интересует, кроме того, чтобы поесть, поспать и кого-то трахнуть.

Духовная смерть наступает от духовного голода. Если для обеспечения жизни нашего тела нужны вода и пища, то для того, чтобы человек не умер духовно, ему необходимы питье и пища духовные – **вера и культура**.

Подлинная вера – в Бога, а не в гороскопы, черных котов, пустые ведра или «иерусалимский хлебушек».

И **культура** настоящая – не начитанность дешёвыми романами и насмотренность «Рабыней Изаурой», а приобщенность ко всему лучшему, что создано писателями, поэтами, философами, художниками, композиторами. Это и навык уединённых размышлений, это и способность задавать себе трудные вечные вопросы и по-своему отвечать на них, это и молитва, это и Святое Причастие, это и добродетель и много чего другого – того, что не дает умереть нашим душам, обеспечивает человеку духовный рост, жизнь в гармонии с самим собой и Богом, осмысленную старость, безболезненный переход в Царство Небесное и блаженную вечную жизнь в обители Отца Нашего Небесного.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтете нужным